

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА САЗИНА

УДК 111.85, 37.015

Кандидат философских наук,

г. Энгельс, Россия

era_vl@mai.ru

СМЫСЛЫ «ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Аннотация: В статье утверждается, что присутствие смыслов «образования человека» в художественном дискурсе романа Ф. М. Достоевского «Подросток», с их бытийным и коммуникационным характером (представленным не в виде деклараций или доктрин, но в ряде сюжетных линий и истории фактического восхождения героя: от некоторой нулевой точки «стояния перед миром» и представлений о «необразованности» — к диалогу с миром и социумом), создаёт здесь особый «ценностный центр», который: а) определяет жанр, логику и принцип создания романа «Подросток» — как «романа воспитания»; б) создаёт основное «событие смысла» в романе, задавая бытийные и коммуникационные смыслы описанного Достоевским движения героя в направлении к своему «внутреннему логосу» (к этой характеристике, данной В. В. Зеньковским всему творчеству писателя с богословско-антропологической позиции, автор статьи прибегает, акцентируя в ней смысл «логоса — слова» преимущественно в не-религиозном его понимании и в интенции «диалога»). Исходя из центрального положения в художественном дискурсе романа «Подросток» смыслов «образования человека» и действия их в целом смысловом пространстве романа как его «ценностного центра», может быть намечен соответствующий концептуальный ресурс, способный организовать теоретическую часть востребованных сегодня образовательных проектов, включая и создание образовательных цифровых платформ, а возможно, и экосистемы «образование человека» на принципах «гуманитарного мышления». В этих проектах такой «ценностный центр» может выступить своего рода «заданием» («планкой») для современных отечественных образовательных практик в актуальной работе над их ценностно-смысловым

блоком (как и в работе над целеполаганием в отечественном образовании целом).

Ключевые слова: художественный дискурс, философия образования, образование человека, ценностный центр, событие смысла, «внутренний логос личности», «диалог», принципы «гуманитарного мышления», М. М. Бахтин, проект действующей образовательной модели, цифровая экосистема «образование человека».

Для цитирования: Сазина И.В. Смыслы «образования человека» в художественном дискурсе романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Studia Culturae. 2023. Вып. 3 (57). С. 82–96. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-57-82-96.

IRINA V. SAZINA

Cand. Sci. in Philosophy,
Engels city, Russia
era_vl@mail.ru

THE MEANINGS “HUMAN EDUCATION” IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF THE NOVEL OF F. M. DOSTOEVSKY “THE ADOLESCENT”

Abstract: The article argues that the presence of the meanings of “human education” in the artistic discourse of F. M. Dostoevsky’s novel “The Adolescence”, with their existential (being) and communicative nature (represented not in the form of declarations or doctrines, but in a number of storylines and the history of the hero’s actual ascension: from a certain zero point of “standing in front of the world” and ideas about “ignorance” — to a dialogue with the world and society), creates a special “value center” which: a) defines the genre, logic and principle of creating the novel “The Adolescence” — as a “novel of education/moral education”; b) creates the main “event of meaning” in the novel, setting the existential (being) and communication meanings of the intent of the hero described by Dostoevsky towards his “inner logos” (to this characteristic given by V. V. Zenkovsky to all the writer’s work from a theological and anthropological position, the author of the article resorts, emphasizing in it the meaning of “logos as word” mainly in its non-religious understanding and in the intention of “dialogue”). Based on the central position in the artistic discourse of the novel “The Adolescence” of the meanings of “human education” and their action in the whole semantic space of the novel as its “value center”, an appropriate conceptual resource can be outlined that can organize the theoretical part

of the educational projects that are in demand today, including the creation educational digital platforms, and possibly the “human education” ecosystem based on the principles of “humanitarian thinking”. In these projects, such a “value center” can act as a kind of “task” for modern domestic educational practices in the actual work on their moral block (as well as in work on goal-setting in general).

Key words: artistic discourse; philosophy of education; human education; value center; «event of meaning»: “inner logos of personality”, “dialogue”, principles of “humanitarian thinking”; M. M. Bakhtin; project of the current educational model; digital ecosystem “human education”.

For citation: Sazina I.V. “The Meanings ‘Human Education’ in the Artistic Discourse of the Novel of F. M. Dostoevsky ‘The Adolescent’”, *Studia Culturae*, 2023, Iss. 3 (57): 82–96, DOI: 10.31312/2310-1245-2023-57-82-96.

Та трудность, которую, по утверждениям экспертов «результаты гуманитарного образования» представляют сегодня как слишком «сложный актив» для рыночной оценки, — отзывается в сфере отечественных образовательных практик возникновением особого риска: существенного обеднения целеполагания вместе с искомым (и получаемым) результатом всех образовательных усилий. При возникновении «нового типа интересов» (цифровой трансформации общества) этот риск требует вновь продумать содержание и направленность востребованных образовательных проектов и действующих образовательных моделей.

О том, как смыслы «образования человека» присутствуют в художественном дискурсе романа, мы будем говорить здесь далее, сделав сначала несколько вступительных замечаний.

1. Не ставя себе задачи осветить ни слишком многих тем романа, ни полностью всей тематики «образования» в нём, — мы постараемся лишь в некоторых общих чертах представить отдельные «смысловые пространства» в его художественном дискурсе, отвечающие в той или иной мере абстракции «образования человека» (термином «художественный дискурс» мы воспользуемся здесь, исходя из имеющихся в «общей

риторике» определений этого понятия как «неформального текста», а также из принятого в науке о языке понимания дискурса как текста с прагматикой социокультурных характеристик).

2. Существующая традиция исследования романа «Подросток» как «романа воспитания» [2; 3; 14] обязывает заметить вначале, что мы не будем входить здесь в обсуждение важного для частно-научного знания педагогики различения между «образованием» и «воспитанием», — полагая, что условия «цифровизации образования» вполне «практически» актуализируют, делают значимой именно абстракцию «образование человека».

3. Под словами «образование человека» мы будем иметь в виду понятие об «образовании» и «образованном человеке» в его широком смысле и контексте, — близком к тем основным смыслам, которые вполне зафиксированы русским языком: «образованный человек — получивший образование, научившийся общим сведениям, познаниям, научно развитой; воспитанный, приличный в обществе... первое — умственное образование, второе — внешнее; для нравственного нет слова» [9, с. 635].

Присутствие смыслов «образования человека» в художественном дискурсе романа, нигде не теряющем связи с жизненной и исторической ситуацией своего времени, способном вместить не только широкий спектр социокультурной тематики, но и философскую постановку вопроса об образовании и образованности, в чём-то предвосхищает некоторые дилеммы современной философии образования. Например, когда авторы стремятся избежать нарушения строгости дефиниции образования, полагая, что этим нарушением совершается настоящее «предательство» и уничтожение самого «Образования» [8, с. 163]. А с другой стороны, когда полагают необходимым, чтобы не удаляться от «реальности», — смириться с разнообразием словоупотребления и со множеством суждений с тех или иных позиций (философских, научных,

жизненных). Следствием чего в каких-то случаях ответа на вопрос «что такое образование» как будто бы вообще может и не быть [7].

Становясь предметом внимания писателя (по собственным словам самого Достоевского, не желавшего «писать лишь в одном историческом роде», и уже в самом начале работы столкнувшегося с возникновением большого множества тем, требующих серьёзной работы, — что и способствовало появлению первоначального названия романа «Беспорядок»), тема образования предстаёт в романе в широком диапазоне смыслов «образования человека», от «биографических» до философских (о многообразии тем см. письмо А. Г. Достоевской в комментариях к 15-томному изданию собрания сочинений Достоевского: «...мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда рассмотрел его в целом, то вижу, что в нем соединились 4 романа. Страхов всегда видел в этом мой недостаток. Но еще время есть» [6, с. 718]).

За всем самым существенным, что говорится об образовании в романе, стоит вовсе не проблема естественных перипетий взросления некоей «типичной» личности (которой, по мере «отёсывания» образовательным воздействием, необходимо следовать за «типичными» же обстоятельствами, — примерно с такой позиции выступал один из первых критиков романа, К. Д. Кавелин [13]). В романе «образовательные смыслы» не сосредоточены и на формальном («институциональном», как можно было бы сказать сегодня) осуществлении образования (это заметно в словах главного героя о том, что «образование не помешает», то есть, в чём-то может оказаться и «полезным»). Не связаны с «образованием» и некие явно негативно оцениваемые варианты образованности: «профанного» отношения к образованию как формальности и лишь поводу для самоутверждения. А также представления ложно идеального смысла «образованности» (с ним отчасти связывается позиция «властного дискурса», — в разговоре

о необходимости усвоения новым поколением представлений о «чести» и «долге»; контраргумент по отношению к ним тот, что они существенно обеднены жизнью, и что уравнивание прав содействует понижению чувства чести и долга; подобная направленность усилий воспитания встречена скептическим замечанием о том, что это будет «масонская ложа какая-то» [10, С. 177–178]).

Тема «образования человека» открывается уже с самого начала «Записок» двадцатилетнего «подростка» Аркадия. Эти «Записки» и есть сам роман Достоевского, так что здесь герой выступает, пусть и «условно», но всё же «со-автором» писателя Достоевского. Этот известный писательский приём показывает здесь особое «событие взаимодействия сознаний» (по М. М. Бахтину).

Уже в самом начале «Записок» смысл «образования человека» явлен во вполне философском осознании героем бытийной природы образования. Мысль Аркадия о том, что ещё до всякого образования «поставлен перед миром» — не человек даже, а лишь некое «существо», есть необходимый шаг назад, к «нулевой точке», к преддверию образованности. Здесь же локализованы: и сведение образования к формальности и «пользе», и понимание образования как возможности ощутить своё превосходство перед другими. Для этого, действительно, достаточно простого смысла и несложных представлений об образованности как о лишь внешнем соответствии образцам. Однако, в действительности представления эти не оставляют, всё же, герою шанса увидеть настоящую разницу между тем, кто «страшно необразован» (так характеризует Аркадий Ламберта), и тем человеком, чья душа, как у Макара Долгорукого, названного отца героя, человека из народа, не слишком сведущего в науках, «... была довольно хорошо организована, и так даже, что я не встречал еще в людях ничего лучшего в этом роде» [10, с. 308]).

Об образовании в истинном смысле герой также заводит речь, демонстрируя и вполне самостоятельные, довольно

глубокие, и даже яркие, суждения. В них довольно парадоксальным образом представлена ещё одна начальная точка в понимании образования: через утверждение ценности «необразованности». «Пользу» и преимущество которой герой связывает со свободой суждения: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я — бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились. ... Мне казалось, что красивее будет, если человек этот будет даже грязно необразованным ... без образования будто прибавлялось красоты к идеалу. Теперь изменил убеждение в этом пункте; образование не помешает. Господа, неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, столь тяжела для вас?» [10, с. 76–77].

Наконец, уже не рассуждения и не декларации, а своего рода настоящую решимость стать образованным, особое состояние человека, готового к коммуникации, «поступку» и серьёзному диалогу, — мы видим в конце романа в эпизоде, когда за советом по поводу своих «Записок» Аркадий обращается к человеку, «умному и холодному», — Николаю Семёновичу, бывшему в своё время воспитателем в Московском пансионе, где Аркадий и обучался до момента приезда в Петербург (с пребывания в пансионе и начинаются «Записки»).

С собственно образовательной тематикой связано также и то, как в романе сведено на нет пресловутое влияние «руководящих идей», распространяемых участниками «кружков» и претендующих направлять судьбы молодых людей. В конце романа «идеи» будут названы «русскими миражами», имеющими влияние на молодое поколение, — правда, лишь до тех пор, говорит Достоевский, пока не поймут, что это «миражи». Точка зрения педагога Николая Семёновича, выступающего с авторитетным словом в последней сцене действия в романе,

и, возможно, выражающего мысль и самого Достоевского, состоит в том, что именно новые поколения (состоящие из подростков, вышедших из «неизвестных семей») смогут преодолевать их влияние, идя новыми путями в отечественной культуре.

Стремящийся уйти от ставших чуждыми ему идей, Аркадий самостоятельно определяет для себя собственные две жизненные «идеи». Это, в противоположность идеям кружка, — идеи «угол» и «Ротшильд». Потерпев крах вместе с ними, — к концу романа он обретёт всё же поистине судьбоносную способность к выбору, «поступку», приближающую его к «образованному» состоянию. Тем, что отважится на серьёзный диалог, будучи готовым встретить суждение о своих «Записках» от своего бывшего педагога.

В целом путь героя в романе почти в точности отвечает той оценке, которую дал умению Достоевского строить судьбы своих героев В. В. Зеньковский в «Истории русской философии». Отмечая умение Достоевского показать «живую, конкретную личность», В. В. Зеньковский акцентирует очень важную характеристику того пути, который проходит личность у Достоевского: «в своей судьбе и во внутреннем логосе...» [12, с. 400]. И богословско-антропологический термин «логос» здесь не метафора. Но такая характеристика, которая позволяет лучше понять и образовательную тематику романа «Подросток», включая понимание её вполне светским образом. Справедливость этой оценки представляется очевидной с выходом героя в «диа-логос», в коммуникацию посредством «логоса-слова», почти буквально переданного Достоевским своему герою. «Записки» Аркадия и есть вариант «внутреннего логоса» героя, с которым он, взрослея наконец, — готов обратиться к читающей публике, обнародовать подлинное своё «слово», явить себя миру — в слове.

В первоначальном решении Аркадия о том, что «Записок» никто и никогда не прочтёт, а также в его убеждённости в том, что «литературность» есть нечто неприемлемо

«развратительное», также читается (ещё одна) «нулевая точка», — своей «негативностью» открывающая в отношении образования его перспективу «коммуникативности». Или диалога как пути выхода героя — из «угла», «узкой пещеры» собственного «Я» — в диалоговую (посредством «логоса») коммуникацию. И к своему «внутреннему логосу».

Говоря о раскрываемом М. М. Бахтиным внимании Достоевского к «внутреннему человеку», С. Г. Бочаров подчёркивает здесь связь «внутреннего человека» с идеей, словом и событием: «В каждой мысли личность как бы дана «вся целиком», поэтому идея отождествляется с внутренним человеком, а далее следует отождествление с ним и таких ведущих категорий бахтинского анализа, как голос и слово. Такую же интериоризацию претерпевает и категория события: «связующее внутренних людей событие», — так понимает его Бахтин. Не внешних оно связует людей в сюжете романа, а внутренних в диалоге. И не в обычном грамматическом диалоге, бегущем в строках романа, а в некоем более трудном для наблюдения событии структурном, возносящемся над диалогами в тексте» [4, с. 519].

«Светская» интерпретация человека «внутреннего» в романе объёмна и не исключает характеристики через богословский смысл слова «логос». В «романе воспитания» Достоевского это свойство героя открывает перспективу состоявшегося события «образовательного смысла», открывающегося как личностное «возрастание» и движущегося к поступку (диалогу). В виду этого особое смысловое пространство понимания «образования человека» через «внутренний логос личности» не исключает качеств, характеризующихся понятиями «рацио», «экзистенции», нравственности и т.д. Однако, по отношению к ним «энергия» события этого смысла создаёт соответствующий «ценностный центр» [1, с. 35], а не «руководящую идею», не идеологию.

Несмотря на то, что такое понимание (уже в силу определяемого «общей риторикой» неформального уровня художе-

ственного текста) в тексте романа не формулируется в виде строгого определения, именно оно открывает посреди «беспорядка»: значимые во всей перспективе культуры различные позиции относительно «образования человека». Позволяя имеющимся в романе образовательным смыслам создать (охватить, оформить, организовать) пространства вполне реальных, исторически существующих острых противоречий социума, различных заинтересованностей социальных групп (не уходя при этом от ценностного центра «образования человека»).

Если подходить к художественному дискурсу романа с «меркой» понятий: а) о «внутреннем логосе личности» (В. В. Зеньковский) и б) о «внутреннем человеке» (Достоевский-Бахтин), — то и в отношении их к тематике «образования человека» появляется возможность получить ключ к тому «смысловому единству», которое складывается в романе вокруг собственно образовательной идеи («образования человека»). Так что и в не-религиозной трактовке понятия о «внутреннем логосе личности» образовательные смыслы в художественном дискурсе романа могут вполне практически становиться тем необходимым «ценностным центром», — энергией которого создаётся и смысловое единство художественного дискурса, и событие смысла «образования человека» в нём. (Работа педагогов с таким центром — отдельная тема, которой мы здесь практически не касаемся).

В пространстве этого единства Достоевским и проложен для своих героев тот настоящий путь к «сознанию в себе Логоса» (и это ещё одна интерпретация «логоса» в русской философии, правда, безотносительно к Достоевскому, у В. Ф. Эрна), который герой романа проходит от зафиксированного им самим вначале состояния «стоящего перед миром существа» — до решения опубликовать свои «Записки», выразив себя перед миром в качестве человека с «внутренним своим логосом».

Значимые события «внутреннего логоса» в романе предстают в двух эпизодах, поддерживающих понимание образования и образованности в бытийном (мировоззренческом

и мироустроительном) смысле. Один связан с впечатлившей Версилова картиной французского художника XVII века Клода Лоррена «Асис и Галатея», сцена которой разворачивается художником в лучах заходящего солнца, и которую Версиров увидел однажды в Дрезденской галерее (с тех она является ему во сне, о чём он и рассказывает Аркадию в момент «восстановления» родственных чувств). А другой, тоже «предвечерний» солнечный свет, описан Достоевским в эпизоде пробуждения от сна после болезни Аркадия и встречи его с Макаром Долгоруким — как событие реально развернувшейся в романе сцены (об особом отношении Ф. М. Достоевского к свету, о связанных с ним эпизодах в его произведениях см. [5; 11]). Каждый эпизод со светом ассоциируется также и с определённой идейной установкой в отношении образования. В одном случае, это остающаяся крайне привлекательной образовательная идея европейского Просвещения. А в другом — драматично звучащий вопрос о «почве» и напряжённость взаимоотношений отечественной и европейской культур, вместе с вопросом значимости каждой — в судьбе России.

И в вопросе отношений России с Западом, и в вопросе о том, каким предстоит быть новому поколению страны в будущем, — именно «режим» диалога в художественном дискурсе романа делает возможным для Достоевского признать себя в том, что в размышлениях о будущем ему остаётся только «угадывать» и быть готовым «ошибаться» [10, с. 452]. Признаётся он здесь также и в своём доверии к молодому поколению. При полном понимании угроз от отсутствия должной «образующей» работы с поколением людей, многие из которых происходят из «неизвестных семей» и им «примкнуть не к чему», а старшее поколение только «смеётся над тем, во что хотят верить новые поколения» [10, с. 453], — в новом поколении Достоевский видит спасительную способность оставить «миражи» в прошлом.

И хотя абстракция «образование человека» в своём «чистом виде» нигде в тексте романа словесно или «понятийно»

не предъявлена, — смыслы: и диалога («диа-логоса»), и «внутреннего логоса личности», и «поколения», — создающие напряжённость/энергию: и этого «ценностного центра», и этого события смысла «образования человека» в нём, своей значительностью в чём-то даже меняют и сам статус художественного дискурса романа: на статус дискурса почти полностью «философско-образовательного».

И в этом качестве основное событие смысла «образование человека» присутствует в романе и в его сюжетных линиях, и в звучащем в завершении романа ответственном слове педагога, — как некий ценностный центр. Его не исключают разные трактовки «образования человека» в художественном дискурсе романа. В качестве основного события смысла «образования человека» в романе — такой «ценностный центр» не означает и того, что из него можно извлечь некоторую схему-алгоритм, механически составив её из множества взглядов тех или иных героев (или из отдельных позиций самого писателя или его героев в отношении тематики образования, образованности).

Добытый мышлением, основанным на «дискурсивном принципе» (в его отличии от «рекурсивного») особенный художественный дискурс романа «Подросток» не оставляет читателям никакой возможности ограничиться в понимании образования человека лишь каким-то одним готовым смыслом (в том числе, готовом превратиться и в один из новых «русских миражей»). Но создаёт условие для понимания характерной для образованного человека способности не останавливаться ни на констатации «беспорядка», ни на мысли о «распадении на свободу лиц» (ни на «эгоизме», ни на распадении на множество определений и мнений относительно того, что есть образование). И роль в этом понятия о «внутреннем логосе личности» представляется нам существенной. Поэтому, каким бы трудным ни казался разговор о воплощении его в образовательную практику (в том числе и с участием в ней цифровых образовательных платформ), необходимость

пытаться воплотить её в действующую образовательную модель будет сохраняться. И это необходимо учитывать проектировщикам образовательных моделей: прежде всего, в их концептуальной работе над важнейшей целеполагающей частью образовательного проекта; как необходимо это и самим педагогическим практикам (в том числе, в отечественной «школе для всех»). Даже если вопрос о том, достаточно ли сегодня «энергии» такого «центра» (и такого «события смысла») для того, чтобы были найдены условия возможного решения проблемы отечественного образования в целом (если не забыта постановка задачи образования, исходя из «внутреннего логоса» личности), пока не получил своего ответа в отечественной образовательной практике.

То, как роман сохраняет в себе интенцию «общих смыслов», — есть, всё же, «заслуга» именно его художественного дискурса, с его способностью удерживать соответствующий «ценностный центр» («образования человека», восходящего в своему «внутреннему логосу» и творящего мир). Решая сегодня современные образовательные задачи, проектируя новые действующие образовательные модели, возможно, стоило бы продумать и «цифровой вариант» такого пространства с «ценностным центром» в виде «внутреннего логоса личности». Семиотический подход, владеющий понятием о личности как о «семиосфере» (Ю. М. Лотман), в этом случае, в самой начальной точке общего пути, мог бы стать началом создания соответствующего цифрового образовательного пространства. Учитывая по-настоящему сложную, во всей её напряжённости, тематику «образования человека» и смыслового пространства диалога, искомый результат может быть получен не путём механического выбора возможных нескольких идей и смысловых доминант в развитии культуры, но прежде всего — как результат события смысла «внутреннего логоса». «Превращение» художественного дискурса романа в целом — в событие смысла «образование человека» — и есть образ такой возможности.

Список литературы | References

1. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 тт. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 722 с.
Bakhtin M.M. Sobr. soch. v 7 tt. T.1. Filosofskaya ehstetika 1920-kh gg. M.: Russkie slovari. YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2003. 722 s.
URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bahtin-mihail-mihajlovich/tom-1-filosofskaya-estetika-1920-h-godov/2>
2. Богданова О. А. Поэтика и текстология романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1920–1940-х гг. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4. 2021.
Bogdanova O.A. “Poetics and Textual Analysis of Dostoevsky’s Novel the Adolescent in the Studies of Russian Authors of the 1920s-1940s”, *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2021, no. 4 (16).
URL: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-130-175>
3. Борисова В.В. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15).
Borisova V.V. “Roman F.M. Dostoevskogo ‘Podrostok’: sovremennoe sostoyanie izucheniya”, *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal*, 2021, no. 3 (15).
URL: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-196-214>
4. Бочаров С.Г. Достоевский у Бахтина (Бахтин филолог) // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 514–527.
Bocharov S.G. Dostoevskij u Bakhtina (Bakhtin filolog) // Dostoevskij i KHKH vek: v 2 t. / pod red. T.A. Kasatkinoj. M.: IMLI RAN, 2007. T. 1. S. 514–527.
5. Гажева И. Д. «...егда захождаше солнце»: свет вечерний в произведениях Ф.М. Достоевского и Андрея Белого // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1(9). С. 51–82. DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-51-82.
Gazheva I.D. «...egda zakhozhdashe solntse»: svet vechernij v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo i Andreyaya Belogo // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2020. № 1(9). S. 51–82. DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-51-82.
6. Галаган Г.Я., Архипова А.В., Азадовский К.М. Комментарии: Ф.М. Достоевский. Подросток // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990.

- Т. 8. С. 706–809. Электронная публикация — РВБ, 2002–2023. Версия 3.0 от 27 января 2017 г. Комментарии к 8-му тому 15-томного Собр Соч. Дост. (<https://rvb.ru/dostoevski/02comm/33.htm>).
7. Gibbs, A. Coming into Life with Education: Definitions, Difficulty and Meaningfulness in Conceptual Aesthetics // *Philosophical Inquiry in Education, Volume 28* (2021), no. 1: 12–25.
 8. Gregory, I. (University of York, UK). Education, Democracy and Living with Disagreement // *Philosophical Inquiry in Education, Volume 26* (2019), No. 2: 156–163.
 9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Второе издание. Том второй. И–О. СПб., М. 1881 Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalya. Vtoroe izdanie. Tom vtoroj. I–O. SPb., M. 1881.*
 10. Достоевский Ф.М. Подросток. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. XIII. Художественные произведения. Л.: Наука, 1975. 454 с.
Dostoevskij F.M. *Podrostok. Polnoe sobranie sochitenij v 30-ti tt. T. XIII. Khudozhestvennyye proizvedeniya. L.: Nauka, 1975. 454 s.*
 11. Дурылин С. Об одном символе у Достоевского // *Достоевский. ГАХН. 1928. С. 178–192.*
Durylin S. *Ob odnom simvole u Dostoevskogo // Dostoevskij. GAKHN. 1928. S. 178–192*
 12. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с. (Summa).
Zen'kovskij V.V. *Istoriya russkoj filosofii. M.: Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. 880 s.*
 13. Кавелин К.Д. Письмо Ф. М. Достоевскому // *Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с. С. 448–475.*
Kavelin K.D. *Pis'mo F. M. Dostoevskomu // Nash umstvennyj stroj. Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. M.: Pravda, 1989. 653 s. S. 448–475.*
 14. Юрьева О. Ю. Возвращение «Подростка». Рецензия на книгу Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с.
Yuryeva O.Yu. *Vozvrashcheniye «Podrostka». Retsenzziya na knigu Roman F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»: sovremennoye sostoyaniye izucheniya / pod red. T.A. Kasatkinoy. M.: IMLI RAN, 2021. 864 s.*